

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

Милла
ХИСАНОВА

НЕЗНАКОМЕЦ ИЗ ПРОШЛОГО

*Моя большая
маленькая тайна*

Лилия Хисамова

Незнакомец из прошлого. Моя большая маленькая тайна

<https://litres.ru/74621273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда я нуждалась в помощи, он появился словно из ниоткуда. Так внезапно и вовремя, будто был моим ангелом-хранителем. Огромный, мускулистый, опасный тип с пронзительными серыми глазами.

Мы провели вместе ночь, но наутро он исчез.

А после моя жизнь превратилась в настоящий ад.

Из-за беременности пришлось оставить учебу, денег катастрофически ни на что не хватало.

Только спустя два года я начала сводить концы с концами и нашла достойную работу.

Но незнакомец из прошлого вновь ворвался в мою жизнь, нарушая долгожданный покой.

Хладнокровный миллиардер, который не должен узнать, что я родила ему дочь.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	14
Глава 3.	21
Глава 4.	27
Глава 5.	32
Глава 6.	38
Глава 7.	45
Глава 8.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лилия Хисамова

Незнакомец из прошлого. Моя большая маленькая тайна

Глава 1.

— Знаешь, почему у тебя нет подруг? — не дожидаясь моей реакции, Олеся невозмутимо продолжает: — Потому что тебе даже косметика не нужна, чтобы выглядеть сногсшибательно.

— Глупости. У меня же есть ты! — игриво подмигиваю.

— А я с тобой дружу, потому что искренне восхищаюсь твоей красотой. Когда стану знаменитым пластическим хирургом, буду использовать твоё фото в качестве примера. Хотите такой же ровнёнький носик? Пожалуйста, выложите денежки.

Впервые за этот сумбурный день я начинаю смеяться.

— Лесь, спасибо тебе за поддержку. Ты самая лучшая подруга, другие мне и не нужны.

— Тимофеев дар речи потеряет, когда увидит тебя!

Бросаю последний взгляд в зеркало.

До сих пор не верю, что девушка в соблазнительном коротком белом платье, одолженном у соседки по общежитию, это я.

— Думаешь? — мечтательно прикусываю губу.

— Знаю!

Гриша Тимофеев, красавчик-брюнет с атлетическим телосложением, пригласил меня сегодня на свидание.

Сокурсник давно на меня заглядывался, но я постоянно отказывала ему, как впрочем и остальным ухажёрам.

Учёба и подработка занимают всё моё время.

Какие там свидания?

Девочке из маленького села, умудрившейся осуществить свою мечту и поступить в медицинский институт в столице, не так легко сводить концы с концами.

Стипендии еле хватает на еду. А расходы в большом городе — непомерные.

— Куда тебя ведёт наш ловелас? — Олеся садится на кровать, скрестив ноги.

— Он говорил про какой-то элитный клуб, где часто бывает.

— Название хоть помнишь?

— Нет.

— Будут проблемы — звони.

— Не драматизируй, мы потанцуем немного и он привезёт меня обратно.

Телефон на кровати начинает вибрировать.

— Это Гриша звонит! Приехал, наверное.

Сердце совершает кульбит.

— Ну, я пошла, — поправляю платье, которое облегает меня как вторая кожа.

Кажется, за последние дни я сильно похудела. Так сильно нервничала из-за экзаменов, что кусок в горло не лез. Но сейчас уже всё позади. Сессия успешно сдана, и можно выдохнуть.

— Иди уже! — Олеся кидает в меня подушку.

Несмотря на высокие каблуки, я со стремительной скоростью преодолеваю лестничные пролёты, но на последнем заставляю себя остановиться.

Притормози, Лиза. Не позволяй эмоциям затмить твой разум.

Сказать легко, но как это сделать?

Гриша мне очень нравится.

Как практически и всем девчонкам на нашем потоке.

На прошлой неделе я помогла ему сдать экзамен у одного из самых строгих преподавателей, после чего Тимофеев очаровательно мне улыбнулся и в очередной раз пригласил на свидание.

И я не мешкая согласилась.

Слишком долго отказывала себе в том, чтобы вести нормальную студенческую жизнь. Заводить друзей, гулять, влюбляться.

Ведь земля не перевернётся вверх тормашками, если я один раз позволю себе выйти из зоны комфорта и провести вечер с парнем, который мне по душе.

Выхожу из общежития и сразу же замечаю серый автомобиль.

— Привет, — застенчиво улыбаюсь парню.

Гриша стоит возле капота с телефоном у уха.

— Ты достал, что я просил? — заметив меня, почему-то быстро отключается.

Гулко сглатываю и переминаюсь с ноги на ногу, оттягивая неприлично короткое платье.

— Привет, куколка, — присвистывая, брюнет оглядывая меня с головы до ног. — Пиздец! Ты такая классная. И чего мы раньше с тобой не тусили?

— Были заняты учёбой? — пожимаю плечами.

Ну то есть я денно и ночно зубрю учебники по медицине, а парень, если верить слухам, наслаждается жизнью, ни в чём себе не отказывая.

— У пацанов челюсти отпадут, когда они увидят, с какой красоткой я буду зажигать, — ловит меня за руку, сдавливая немного запястье. — Блин, Лизка, я реально слепой был.

Начинаю по-настоящему жалеть, что не накрутилась, как мне советовала Леся. Пудра, как ничто другое, помогла бы мне сейчас скрыть предательский румянец на щеках.

— Твои друзья тоже будут в клубе?

Глеб прищуривается, не сводя с меня глаз.

— Ага, — улыбается своим мыслям. — Запрыгивай, ку-
колка.

Подтянув подол платья, я устраиваюсь на переднем пассажирском месте. В салоне, где сиденья обтянуты белой кожей, неприятно пахнет сигаретами.

Видимо, Тимофеев много и часто курит в машине.

— Прокатимся с ветерком! — парень вжимает педаль газа и выезжает со двора, вклиниваясь в поток автомобилей.

Я смотрю в окно и отчего-то вспоминаю прошлое.

Как мне пришлось переехать в село к бабушке после смерти родителей.

Это был мой день рождения. Мне только исполнилось десять лет.

Мы ехали на дачу, чтобы отпраздновать, когда со встречной полосы на нас вылетел пьяный водитель. Родители погибли на месте, а я осталась жива. Да ещё и без единой царапины.

Мы с бабушкой жили в маленьком селе, где большую часть населения составляли пожилые люди. В школу мне приходилось ездить на автобусе в соседний посёлок.

— Эх, Лизка, смазливая ты, как мать твоя. Даже краше её в разы! Глазом моргнуть не успеешь, как замуж выскочишь, — причитала бабушка, сидя у старенькой печки.

— Бабуль, я когда вырасту, хочу стать кардиологом. Дедушка ведь тоже у нас был врачом.

— Был, да спился быстро, — она нахмурилась. — Ты же-

лания-то свои поубавь. Где мы деньжища такие возьмём? Нынче учёба дорогая.

Это воспоминание сменяется другим.

Спустя годы я закончила школу и поступила на бюджет, а бабушка долго не хотела меня от себя отпускать. В итоге сдалась, но с условием, что я буду звонить ей каждый день.

Приехав в столицу, я почувствовала, что попала в другой мир.

Здесь жизнь бурлит как котёл и ничто не стоит на месте, в то время как в селе однообразные будни тянулись будто резиновые.

А ещё меня поразило, как активно за мной начали ухаживать парни.

Было так необычно купаться в мужском внимании. Приятно, но всё же странно.

К сожалению, удовольствие это длилось недолго.

После того, как я дала всем ухажёрам от ворот поворот, за спиной меня начали называть фригидной стервой.

Они не понимали, но я очень сильно боялась, что моя мечта может быть разрушена. Если я начну развлекаться направо, то долгие годы упорной учёбы станут пустой потерей времени.

А позже сокурсники прознали и о моём прошлом.

Сирота. Без гроша в кармане. Одевается в старое тряпье. Какие только гадости про меня не говорили!

Ощущение, что они самоутверждались, оскорбляя и уни-

жая меня.

Я перестала общаться со всеми, кроме своей соседки в общежитии.

Олеся у меня настоящее золото. Она учится на два курса старше и мечтает привносить в мир красоту, став пластическим хирургом.

Если бы не она, я бы, наверное, уже давно потеряла веру в себя.

— Кто, говоришь, твои родители? — вопрос Гриши застаёт меня врасплох.

Хотя немудрено, что он не знает, о чём говорят в стенах института.

Парень редко появляется на лекциях. Его отец — главврач в одной из столичных больниц. Говорят, он чуть ли не силой заставил сына поступить на медицинский.

— Я сирота, — отвечаю сухо, выйдя из ступора.

— Точно, ты ж на бюджете, — пренебрежительно фыркает, не отрывая взгляда от дороги.

Возникает неприятное ощущение, что меня записали в список второсортных людей. Словно в укор поставили, что я учусь бесплатно.

Да, у меня нет богатых родителей. Но я верю, что упорным трудом смогу добиться в жизни всего сама.

— Приехали, куколка!

Машина останавливается возле парадного входа элитного ночного клуба. Я выхожу из авто и поднимаю голову, рас-

смаатривая яркую вывеску пафосного заведения.

Мне никогда не приходилось посещать подобные места раньше. А вот мой спутник чувствует себя здесь как рыба в воде.

Миновав длинную очередь из красиво одетых молодых людей, мы сразу заходим внутрь.

— Куда собрались? — раздаётся грубый бас мужчины где-то под два метра ростом, чьё мощное телосложение едва ли способны скрыть чёрная футболка и такого же цвета джинсы.

— Мы в VIP-списке, — уверенно заявляет мой спутник.

— Имя? — гаркает великан.

— Григорий Тимофеев! — парень высокомерно задирает подбородок.

Вышибала изучающе осматривает нас с головы до ног. Потом достаёт рацию и начинает с кем-то переговариваться.

— Проходите, — открывает нам массивную чёрную дверь.

— Придурок! — выругавшись сквозь плотно сжатые зубы, Гриша хватается меня за кисть, утягивая за собой. — Он, похоже, новенький, поэтому не узнал меня.

Почему-то кажется, что сокурсник красуется передо мной.

Мы подходим к барной стойке, и, пока Тимофеев подзывает парня в белой рубашке, я осматриваюсь в непривычной обстановке.

В огромном помещении царит мягкий полумрак, разбавленный играющим светом стробоскопов. Музыка звучит оглушающе громко, а толпа собралась такая, что яблоку негде упасть.

Подумать только, а снаружи ещё столько же желающих попасть внутрь. Помещение хоть и огромное, но явно не резиновое.

Колени предательски подрагивают от накатившей тревоги. Это происходит на уровне инстинктов. Словно сама того не осознавая, я уже почувствовала опасность.

Ох, не нравится мне здесь.

— Привет, чувак, — к нам подходит толпа парней, в которой я не вижу ни одного знакомого лица.

— А это что за цыпа?

Глаза рыжего паренька невысокого роста вылазят из орбит так, что он становится поразительно похож на рыбу, выброшенную из воды.

— Слюни зятяни, она моя!

Делаю вид, что осматриваюсь вокруг. Хотя внутренне я вся сжалась как пружина.

— Ты тоже на медицинском? — один из парней берёт меня за локоть и буквально заставляет повернуться в другую сторону.

Но краем глаза я успеваю заметить, что один из друзей Гриши передаёт ему маленький свёрток.

О нет. Надеюсь, они не принимают наркотики.

— Да. Закончила второй курс, — всё же вежливость берёт верх, и я натянуто улыбаюсь.

— Это моя куколка. Иди дрочи в туалете, — Гриша силой вырывает меня из цепкого захвата.

— Без вопросов! — парень поднимает раскрытые ладони вверх.

Я опять морщусь.

Не нравятся мне эти друзья. Да и клуб тоже.

Не так я себе представляла своё первое свидание.

— Отпусти, пожалуйста, — убираю руку Гриши от себя.

— Расслабься, куколка. Я взял тебе выпить, — протягивает мне стакан с зелёным напитком.

— Что это?

— Мохито. Немного мяты, пузырей и капелька спиртного. Тебе понравится, — его тёмные, как ночь, глаза озаряются блеском.

— Спасибо!

В горле так сухо, что я сразу опустошаю половину стакана, хотя обычно алкоголь не пью.

Глава 2.

Ощущение, что шею сжало стальными канатами, а желудок опалило кислотой.

— Больше не хочу, — поставив стакан на барную стойку, я передёргиваю плечами, будто мне становится холодно.

Кажется, я переоценила свои возможности. Спиртное мне явно не по зубам.

— Не понравилось?

— Просто я не пью, — говорю с лёгкой улыбкой, чтобы не обижать парня.

— Заказать тебе сок?

— Нет, спасибо.

Гриша кладёт руку на мою талию и притягивает к себе.

— Пойдём потанцуем?

Я вдруг понимаю, что мне жутко неприятны его прикосновения. Хотя считала, что Тимофеев мне так сильно нравится, что, возможно, сегодня я даже поцелуюсь с ним.

Но чем крепче парень сжимает пальцы на моей талии, тем сильнее становится желание оттолкнуть его от себя.

А если я сейчас соглашусь пойти с ним на танцпол, то он воспримет моё согласие как зелёный свет и начнёт везде лапать.

— Ну же, куколка. Не дрейфь, — берёт меня за руку.

— Давай чуть позже? — пытаюсь аккуратно вытянуть

своё запястье из захвата.

— Ты чего такая зажатая? — щёлкает официанту, глядя мне за спину. — Сейчас сделаем тебе другой коктейль.

— Правда, не стоит.

— Я сам скажу, что стоит, а что нет, — раздражённо выплёвывает.

Первые атаки панического ужаса комом оседают в желудке, унося с собой незамутнённую радость дня. Я оглядываюсь по сторонам и заставляю себя подумать о чём-то приятном.

Но страх огромной грозовой тучей сгущается над моей головой, и мне кажется, что в отдалении я слышу раскаты грома, а вместо ярких ламп сверкают молнии.

Сердце сковывает, когда я осознаю, что картинка перед глазами начинает расплываться.

— Гриш, — пошатнувшись, я хватаю парня за локоть.

— Ты в порядке?

— Ты ведь ничего не добавлял мне в напиток?

— Всё согласно фирменному рецепту.

По спине начинают бегать холодные мурашки.

— Что... — гулко сглатываю, — что за рецепт?

Брюнет наклоняется ко мне. На его губах играет лёгкая улыбка, но вот глаза колкие, впивающиеся.

— Весь секрет в маленькой розовой таблеточке счастья.

От страшной догадки к горлу подступает тошнота.

— Это был наркотик? Ты подсунул мне наркотик?

— Эй, тише ты! — кладёт палец на мои губы. — Ты такая зажатая, я просто помог тебе расслабиться.

У меня кровь стынет в жилах от понимая, что этот человек не шутит.

— С ума сошёл? — собираюсь с силами и отстраняюсь от негодяя. — Немедленно отвези меня обратно!

— Мы только приехали! — возмущается, как будто я его оскорбила.

У-у-ух...

— Слушай, это потолок кружится или...

— Сейчас первый эффект пройдёт, и потом ты почувствуешь кайф.

— Я ничего не хочу чувствовать. Пожалуйста, вызови мне хотя бы такси.

Слух становится гиперчувствительным.

Громкая музыка ударяет по ушам. Вот-вот, и мои барабанные перепонки взорвутся.

Ужас от происходящего сковывает мне внутренности.

— Гриша, пожалуйста, — язык начинает предательски заплетаться.

— Ну как она? — к нам подходит один из его дружков.

— Скоро будет в нирване.

Мне хочется истерично расхохотаться.

Леська была права: я на самом деле наивная дурочка. Подумала, что такая простушка, как я, могла заинтересовать богатого смазливового мажора.

Тимофеев же просто хотел надо мной поиздеваться. Ещё и дружков своих позвал.

А все эти его громкие оды моей красоте были лишь лицемерной усладой для ушей, чтобы ослабить мою бдительность.

Мимо проходит группа парней, и я, воспользовавшись шансом, пока Тимофеев отвлекается, ускользаю в толпу.

Сколько же здесь народа!

Каждая фигура двоится или даже троится в моих глазах.

Вытягиваю руки вперёд в поисках опоры.

— Эй, смотри куда идёшь! — слышу за спиной возмущённый женский крик.

А куда я иду?

Видимость как в тумане. Мне нужно на что-то опереться. Достать телефон и позвонить Лесе.

Она спасёт меня!

Но дойти до ближайшей стены — всё равно что добраться до верхушки Эвереста.

Шаг, ещё один.

Когда я наконец упираюсь спиной в твёрдую поверхность, мне кажется, проходит целая вечность.

Где моя сумка?

Тру бока. Снова и снова.

Боже, её нет!

Нет!

Может, я уронила её по пути?

Где мне теперь взять телефон?

От отчаяния я соскальзываю вниз и, потеряв силы, падаю как мешок с картошкой прямо на твёрдый пол.

Мимо меня проходят толпы людей.

Я вижу красивые женские ноги, красные туфли, чёрные туфли, парней в джинсах и модных кроссовках.

Хватаю воздух большими порциями и в ужасе таращусь на публику. Может, хоть кто-то придёт мне на помощь.

Но никто, ни одна душа, не оборачивается в мою сторону.

Зажмурившись, я начинаю плакать.

Такое отчаяние одолевает. И жалость к себе в придачу. Зачем Гриша так жестоко со мной поступил?

Что-то внутри меня вдруг щёлкает. И я понимаю, что начала дышать глубже, полной грудью, словно объём лёгких каким-то волшебством увеличился вдвое.

Заставляю себя открыть глаза. Свет ламп ослепляет, и я, морщась, ладошкой прикрываю лицо.

А в следующий миг словно во сне наблюдаю, как на меня надвигается настоящий великан.

В полотне яркого света тёмный силуэт огромного мужчины, приближающегося ко мне, кажется зловещим.

Будто из ада явился сам дьявол во плоти.

Незнакомец подходит ко мне и присаживается на корточки.

Я впервые вижу его лицо. По-мужски красивое. Брутальное. У него просто потрясающие глаза цвета тёмного метал-

ла.

— Обопрись на меня, — звучит бархатистый голос, которому хочется слепо довериться.

Мужчина в деловом костюме кладёт руки на мою талию и поднимает меня с пола.

Боже, он такой красивый.

Наверное, это всё действие наркотика. Иначе как объяснить, что мой живот наливается приятной тяжестью при виде этого Аполлона.

— Тебя кто-то обидел?

Киваю.

Его лицо дёргается, а взгляд теряет мягкость.

— Что они с тобой сделали?

Взгляд серых глаз скользит по моему лицу, опускаясь ниже к губам. Я тяжело сглатываю, заметив, как его зрачки расширены: вокруг них остался только узенький тёмно-серый ободок.

В этот момент в памяти почему-то всплывают слова нашего профессора: «Зрачки расширяются, когда мы смотрим на симпатичного нам человека. В этом случае они могут в четыре раза превышать обычный размер».

Смотрю на незнакомца во все глаза. Даже не знаю, что и думать.

Попросить его отпустить меня или всё же позволить вывести наружу?

Муки выбора высасывают из меня последние силы. Наби-

раю воздух в лёгкие и уверенно произношу:

— Я хочу уйти отсюда!

Его рука, большая и надежная, сжимает мне ладонь.

— Пойдём.

Глава 3.

Александр

— Александр Викторович, я могу ещё чем-то вам помочь? — менеджер заведения заискивающе мне улыбается.

— Нет. Это всё.

Убираю руки в карманы брюк и подхожу к панорамному окну, где темнеет летняя ночь.

Пять лет назад я купил заброшенный завод и превратил его в ночной клуб. Выгодное расположение и маркетинговое позиционирование сделали своё дело.

«Империя» стала не просто самым элитным клубом в столице, но и бизнесом, приносящим многомиллионный доход.

Я давно здесь не был.

Ночная жизнь не для меня.

Но сегодня решил заехать накануне отъезда и посмотреть изнутри, как идут дела.

— Мы закончили. Пора! — направляюсь к выходу, и бодигарды в чёрных костюмах сразу за мной.

Внизу моё внимание привлекает девушка в светлом платье, сидящая на полу. Ей явно нужна помощь, но избалованные мажоры и их пьяные подружки обращают на беднягу внимания не больше, чем на пылинку в воздухе.

— Что с ней? — задаю вопрос вслух.

— Сейчас разберусь, — один из охранников делает шаг вперед.

— Не нужно. Я сам!

Подхожу к девушке и резко замираю.

Сердце выполняет один тяжёлый, но очень мощный удар в грудь. Меня поражает увиденное.

Передо мной яркая блондинка с пышными волнистыми волосами цвета жемчуга и пропорциями топ-модели. Она воплощает в себе идеальное равновесие между страстью и нежностью.

На миг мне даже кажется, что она ненастоящая.

Эффектней девушки я не встречал никогда. Хотя меня всегда окружают привлекательные женщины: ведущие модели, знаменитые актрисы.

Но красота этой блондинки иная. Она естественная, неподдельная. В каждой клеточке её сущности чувствуется нечто волшебное. Одни только голубые глаза зачаровывают своей глубиной и яркостью.

— Пойдём, — сглотнув сухость, я беру её за руку, чтобы отвести на выход.

— Спасибо, — произносит она с тёплой улыбкой на манящих губах.

Мы доходим до парковки, и, завидев нас, водитель открывает заднюю дверцу.

— Что вы делаете?

Ловлю нахмуренный взгляд прекрасной незнакомки и по-

ясняю:

— Я подвезу тебя, куда скажешь.

— На этом? — пренебрежительно оглядывает мой автомобиль. В голубых глазах вспыхивает лёгкий шок, разбавленный удивлением. — У этого ржавого корыта есть двигатель?

Приходится дважды моргнуть, чтобы поверить, что мне не послышалось. Она ведь только что назвала автомобиль класса люкс корытом?

— И даже четыре колеса в комплекте.

В душе понимаю, что что-то не так.

Может, она пьяна? Хотя запаха алкоголя не чувствую.

Но если эта красотка — завсегдатай клуба для испорченных отпрысков богатых родителей, то не удивительно, что уровень её интеллекта далёк от высоких показателей, а чувство юмора хромает на обе ноги.

— Где твой дом?

— В селе Макеевка, — обнимает себя за плечи, будто ей стало холодно. — Это далеко отсюда.

Злясь на себя, сжимаю челюсти.

Прелестно.

— Я могу отвезти тебя в отель. А утром сама вернёшься домой.

Кивает, сдувая непослушную прядь с лица, и, слегка пошатываясь, садится в салон.

Удивительный парадокс: как человек недалекого ума мо-

жет быть таким сногшибательно привлекательным?

Водитель выкручивает руль влево и мы выезжаем на дорогу.

— Как тебя зовут?

— Меня... меня зовут. Ой. Кажется, я забыла своё имя,

— смущённо отводит взгляд в сторону. — Можно я скажу его, когда вспомню?

Никогда не терпел глупых женщин.

Но эта крошка с пухлым ротиком милая, как ангелочек. Хочется усадить её себе на колени, обнять и приласкать. И носом зарыться в восхитительные локоны.

Аппетитная девчонка, слов нет.

Формы, стройные ножки — всё в комплекте. Правда, молоденькая совсем. Но платице нацепила такое, что у любого нормального мужика мысли сместятся в паховую область.

— Ты сказала, что тебя обидели. Что-то произошло в клубе?

— Я хотела поцеловать Гришу, — невинно моргая кукольными ресницами, бормочет заикаясь. — А он... он купил мне то отвратительное мохито.

Устало потираю переносицу.

Твою ж мать. Выдайте мне премию «Спасатель года».

Девушка здорова и невредима. И на том спасибо. А дальше мы лучше поедem в тишине.

— Вам говорили, что вы очень красивы? — блондинка протягивает руку к моему лицу и кончиками пальцев акку-

ратно проводит линию по скуле.

Мимолётное прикосновение, а меня будто шибануло током в тысячу вольт. Приятное тепло окутывает сердце, когда в ноздри вбивается запах её кожи.

Дурманивший аромат.

Малышка пахнет цветами и весенней свежестью.

— Нет, — усмехаюсь, чтобы скрыть то, как она на меня действует. — Мне этого ещё не говорили. Ты уже вспомнила своё имя?

— Кажется, да. Но потом опять забыла, — прикусывает губу.

Как же не сходится то, что она говорит, и то, что выражают её большие голубые глаза. Я готов поклясться, что там застыла печаль.

— Я бы хотела, чтобы однажды меня поцеловал такой мужчина, как вы.

Озноб предвкушения буквально пронзает меня, и я теряю тормоза.

Кладу руку на её оголённое колено и начинаю его гладить, будто ласкаю шёлк. Ощущение прекрасное, изумительное, но неудобная поза мешает по-настоящему наслаждаться близостью.

— Не останавливайся, — просит, глядя на меня сквозь полуопущенные ресницы.

Я охотно прижимаю крошку к себе и впиваюсь в её пухлый ротик требовательным поцелуем. Она жадно отвечает,

наслаждаясь лаской моего языка.

К дьяволу всё!

Утром у меня самолёт.

А эта девица с аппетитными формами, которая своей внешностью претворяет в жизнь сексуальные фантазии любого мужчины, поможет мне скоротать часы ожидания перед полётом.

— Ты принимаешь таблетки?

— Да, — закрывает глаза, шепча: — Я приняла розовую таблетку счастья.

Глава 4.

Мне снятся крайне реалистичные сны.

Вокруг горят огни, всё такое яркое и красивое, словно я попала в фильм «Великий Гэтсби» и стала участницей сумасшедших вечеринок.

Меня захлёстывает водоворот адреналина. Я летаю, порхаю, взмываю на самую высокую вершину, падаю, а затем вновь лечу вверх. К самым небесам.

Мне так хорошо, что хочется продлить эту радость до бесконечности.

Боже, да мне никогда в жизни не было так хорошо!

Все тревоги и волнения вдруг разом исчезают, испаряются, не оставляя от себя даже крошечной пылинки. Остаётся только одна радость. Чистая, девственная, незапятнанная.

И этот голос...

Чуть хриловатый, невыразимо чувственный, он проникает в моё сознание, чаруя, околдовывая...

— Ты в порядке?

— Да, мне так хорошо...

Я плаваю как на волнах, оторванная от обыденной реальности. Тело будто ватное, неживое, и его качает из стороны в сторону.

Проходят ещё мгновения, и я начинаю теряться.

В сознание вкрадывается мрачная мысль: что-то здесь

неправильно, не так. Эта мысль тревожным молоточком стучит в висках. Она как ложка дёгтя в бочке с мёдом, которая портит весь вкус.

Безмятежность вдруг больше не радует, а скорее настораживает.

А потом я проваливаюсь в забытие, растворяясь в розовом раю.

Голова звенит, в горле сухость такая, будто я не пила целую вечность. Я заставляю себя открыть тяжёлые веки и осмотреться.

— Где я? — хрипло мычу.

Застывший крик ужаса разрывает горло, когда я понимаю, что лежу на кровати в незнакомой комнате. Взгляд останавливается на багровых пятнах на помятой белоснежной простыне.

Становится дико страшно. До безумия.

Страх пронзает трясущееся тело мелкими льдинками.

Что со мной произошло?

Вместе со зрением восстанавливается память, нагоняя на меня ещё больший ужас.

— *Знаешь, почему у тебя нет подруг?* — голос Олеси с болью отзывается в сознании. — *Потому что тебе даже косметика не нужна, чтобы выглядеть сногшибательно.*

Потом был клуб, оглушающая музыка, мохито и он...

Брюнет с жёсткой щетиной на волевом подбородке.

Монстр. Не человек.

Я думала, он хотел мне помочь. А он оказался не лучше тех отморожков, что снабдили Гришу наркотиками.

Изверг похитил меня, воспользовался невменяемостью и... и... изнасиловал.

Я захлёбываюсь от шока.

Паника захлёстывает меня с такой силой, что я не могу сделать полноценный вдох. Пошевелиться — тем более.

Очень хочется пить.

А ещё бежать отсюда сломя голову. Боюсь даже представить, что будет, когда монстр вернётся.

Сжимаюсь в беззащитный комочек и начинаю плакать. В памяти вспышками возникают картинки, как огромный мужчина склоняется надо мной словно чёрная туча, затмевающая всё вокруг.

Он валит меня спиной на матрас, придавливая огромным телом, словно бетонная плита. Лбом припадает к моему лбу и шепчет:

— Хочешь ещё?

— Не-е-е-ет! — тишину комнаты пронзает мой отчаянный крик.

Не знаю, откуда только силы берутся.

Я так боюсь, что он вернётся и вновь сделает мне больно, надругается над моим телом.

Изверг! Нелюдь!

Я вскакиваю с постели и нахожу платье на кресле. С трудом натянув облегающий наряд, хватаю туфли и выбегаю в

коридор.

Кажется, это отель. Причём, судя по обстановке, очень дорогой отель.

В панике, ничего не соображая и ведомая одним лишь страхом, я выбегаю на улицу босиком. И бегу до тех пор, пока лёгкие не начинают гореть.

Останавливаюсь.

Дышу, глотая воздух большими порциями.

Вдох... ещё и ещё.

Когда дыхание наконец восстанавливается, я вновь под недоумённые взгляды прохожих бросаюсь в бешеный спринт.

Душевная боль разрывает меня изнутри. Страх постепенно заменяется раздражением.

Проклятье!

Я злюсь на себя. На свою наивность и доверчивость.

На Тимофеева за то, что опоил меня. Но больше всего презираю великана. За то, что соблазнил меня, опорочил, когда я имени своего даже сказать не могла.

Может, он бандит? Точно бандюган. Внезаконник. Только такой человек мог воспользоваться мною без зазрения совести.

А теперь его взгляд отпечатался татуировкой на сетчатке моих глаз. То, как он пронзительно смотрел на меня, будто молился на икону.

Не могу больше!

Грудь горит огнём, а босые ноги ноют от боли. Меня трясёт от зашкаливающих эмоций и болезненных ощущений.

Я резко торможу и присаживаюсь на землю. Закрыв лицо руками, начинаю плакать.

В этот миг мне почему-то кажется, что моя жизнь больше никогда не будет такой, как прежде.

Глава 5.

Говорят, что жизнь как дорога: местами ровная и гладкая, а где-то с ямами и подъёмами.

Не долго я радовалась своему счастью. Думала, что моя мечта осуществилась. Представляла, как вскоре получу всё то, о чём так долго грезилa и к чему шла с большими жертвами.

Всего один миг.

Одна встреча.

Один неверный поворот, и моя жизнь свернула с правильного пути. Не оставив и шанса вернуться назад.

— Я приехала! — ставлю чемодан на пороге и иду искать бабушку.

В разгар летнего сезона она, конечно же, работает в огороде. Меняю кроссовки на резиновые сапоги и иду вдоль идеально посаженных грядок к теплице.

— Привет, бабуль!

— А! — поднимает на меня удивлённый взгляд. — Лиза, девочка моя. Я думала, ты только к вечеру будешь.

— Так уже вечер! Заработалась ты совсем.

Бабушка снимает перчатки и поправляет платок на голове.

— Пойдём домой. Завтра поможешь мне здесь с сорняками.

Сколько себя помню, в огороде мы с бабушкой всегда были одной командой.

С грустью смотрю на старушку. Постарела. Всё же годы берут своё. Морщины под её глазами стали ещё глубже.

— Иди руки мой, будем ужинать!

Ощущение, что я вернулась в детство.

Тот же старенький дом, которому не помешает капитальный ремонт. Та же кухня с печкой. И моя любимая бабушка с её фирменными пирожками.

Тоска в душе перемешивается со страхом. Кроме неё, у меня больше никого нет.

Что она обо мне подумает?

Как отреагирует, когда я скажу ей правду?

Я сама-то узнала только позавчера утром. Задержка длилась уже несколько дней. Как могла я оттягивала момент, хотя ответ знала ещё до того, как на тесте ярко высветились две полоски.

Внутри меня что-то задрожало, сломалось.

Беременна!

У меня будет ребёнок!

Мне двадцать лет. У меня нет никаких сбережений. И я не знаю, кто его отец. Но, когда Леся заикнулась об аборте, я оборвала её на полуслове.

Моей мечтой было спасти жизни, но никак не отнимать их. Тем более у невинного малыша. Моего малыша.

— Бабуль, ты присядь, мне нужно тебе кое-что сказать, —

нервно комкаю край платья.

— Знаю я тебя, Лизка. Когда ты с таким лицом ходишь, значит, случилось чего. Говори! С института выгнали, что ли?

— Нет, не выгнали. Но я взяла академический отпуск, — опускаю взгляд, начиная рассматривать трещины на деревянном полу.

Бабушка снимает фартук, который после многочисленных стирок потерял былую яркость, и вешает его на крючок. А потом поворачивается ко мне, глядя озадаченно.

— Замуж собралась?

Прикусив губу, мотаю головой.

— Я беременна!

Посмотреть ей в глаза нет сил. Чувствую себя виноватой во всех смертных грехах одновременно.

— А отец кто?

Вопрос, которого я боялась больше всего. Но обещала себе, что буду честной. К чему таиться и врать?

— Я не знаю, — в глазах жжёт нестерпимо. — Меня опили.

— Горе-то какое! — бабушка хватается за голову. — Что же мы теперь будем делать? Моей пенсии не хватит на троих.

Я подрываюсь и крепко обнимаю её за плечи.

— Ты не переживай. Я сама о нас позабочусь, — рыдание вырывается из груди.

— Ты? Да ты сама ещё ребёнок! Знала же, что нельзя было

тебя отпускать одну в столицу. Иди сюда, — обнимает меня крепко. — Ну хоть правнука успею понянчить.

Доброта людей познаётся в беде.

Бабушка никогда не отворачивалась от меня.

После страшной аварии родители отца, которые живут в четырёхкомнатной квартире в областном центре, сославшись на слабое здоровье, отказались меня брать на воспитание.

Бабуля же без сомнений приехала из села и забрала внучку к себе. Она всегда старалась дать мне всё самое лучшее.

— Лиз, пелёнки погладила. Можешь складывать их в сумку.

— Спасибо, ба! — положив руку на огромный живот, я, вгрызаясь в сочное яблоко, плетусь в зал.

Врач, который наблюдает мою беременность, предложила мне лечь в роддом заранее. Хотя до предполагаемой даты родов ещё неделя.

Бабушка выбросила старый хлам и освободила для малышки отдельную комнатку, куда мы поставили кровать и пеленальный столик.

— Мне пора! Скоро электричка.

Иду в коридор, чтобы надеть пальто.

— И шапку не забудь! Простудишься.

— Хорошо, — целую её в щёку.

Бабушка выходит со мной во двор.

— Эх, Нинка — дура старая! — взглядом указывает на

чёрный мусорный мешок возле наших ворот.

Соседка, которая живёт на дальней улице, после того, как моя беременность стала главной сплетней в селе, каждое утро стала оставлять мусор возле наших ворот. Якобы ссылаясь на то, что мусорные баки слишком далеко и ей тяжело доходить самой.

Хотя местные прекрасно знают, что она считает меня падшей женщиной и таким образом выражает своё мнение о моей репутации и желании иметь внебрачного ребёнка.

— Бабуль, не переживай. Я выкину.

Именно так я и поступаю каждый день.

Не жалуясь.

Не ругаясь.

Напротив, вежливо здороваюсь с ней и желаю доброго дня.

К сожалению, ворчливой одинокой старушке самой не повезло стать матерью. А её супруг давно умер. Говорят, у неё остались племянники, но я ни разу не видела, чтобы к ней кто-то приезжал.

Не знаю, что в этой жизни может быть счастливее появления ребёнка. Когда мою крошку сразу после рождения прикладывают к моей груди, я начинаю плакать.

Это слёзы настоящей, неподдельной радости.

Глажу сморщенные щёчки доченьки, пока она тянет свои растопыренные пальчики к моему лицу, и понимаю, что не жалею ни о чём.

Быть мамой — это прекрасно. Это лучшее, что пока случилось со мной.

Насытившись, малышка отрывается от груди и открывает глазки. Меня словно током обдаёт.

Этот взгляд.

Я до сих пор вижу его во сне. Холодные серые глаза незнакомца в идеальном чёрном костюме.

Глава 6.

Мне снова снится тот же сон.

Я попадаю на красочный карнавал, где гости, облачённые в парадную одежду, ходят в масках. Среди этих людей — богатых, напыщенных, чужих — я чувствую, как на моей шее сжимается удавка.

Мне здесь не место.

Где-то в стороне взрываются разноцветные фейерверки, играет ритмичная музыка. Я иду сквозь толпу веселящихся людей, которые не обращают на меня никакого внимания. Приходится проталкиваться, чтобы двигаться дальше. И вот я дохожу до цели.

Он стоит спиной ко мне.

В чёрном костюме. Высокий. Широкоплечий гигант. Напоминает мне бога, который с пьедестала наблюдает за простыми смертными.

Я будто превращаюсь в ледяную статую. Мои ноги прирастают к полу, и больше я не могу шевелиться.

Незнакомец, словно почувствовав моё появление, оборачивается. На нём чёрная маска, из-за которой я не могу разглядеть лица. Хотя любопытство нещадно пожирает изнутри.

— Где ты? — моего слуха касается бархатистый голос.

На миг я прикрываю глаза, будто ждала этого звука целую

вечность.

— Я здесь!

Воздух между нами сгущается.

— Иди ко мне! — его низкий тягучий голос, в котором отчётливо слышится мольба, звучит прямо у моего уха. А горячее дыхание обжигает нежную кожу моей шеи.

— Сними маску, — прошу незнакомца.

— Ты должна найти меня!

Эти слова ударяют по сознанию и отдаются в голове раскатами грома.

Он заносит руку к чёрным, как смола, волосам и начинает медленно убирать маску. И в этот момент я просыпаюсь.

Резко присаживаюсь на кровати. Сердце глухо стучит в ушах, а грудь сжимается, как будто из комнаты вытянули весь воздух. В памяти мгновенно пробегают картины прошедших месяцев той, кто стала призраком своей прежней жизни.

— Ба, у меня урок через пять минут, ты не погуляешь с Верой?

Бабушка выключает кран и берёт полотенце, чтобы вытереть руки.

— Давай, посуда никуда не убежит. Гляди-ка! — взглядом указывает на окно. — Нинка опять мусорку свою кинула.

— Я потом уберу.

Малышка, почувствовав, что её сейчас заберут от мамы, плотно обхватывает мой сосок, поэтому мне не сразу удаётся

оторвать её.

— Иди хоть переоденься. Что твои ученики подумают? Тяжело выдыхаю.

Прошлой ночью мне не удалось толком отдохнуть. У дочери режутся зубки, и она постоянно плачет. Кажется, усталость уже стала моим обычным состоянием.

С настенного зеркала на меня постоянно смотрит лохматое нечто в поношенном халате.

— Глазом не успеешь моргнуть, как Вере год исполнится, пора бы уже думать, как от груди отучать будешь. Иди ко мне, красавица, — бабуля, сладко люлюкая, забирает ребёнка.

— Знаю, ба, знаю. Спасибо тебе.

Мчусь обратно в спальню и, включив компьютер, достаю из шкафа костюм, приготовленный специально для занятий.

Вот уже полгода я работаю репетитором для учеников старших классов. Натаскиваю их по биологии и химии.

Живя в селе, трудно найти достойный заработок. Цены растут, а бабушкиной пенсии еле хватает на еду. Онлайн заработок помогает нам худо-бедно выживать.

Собрав волосы в шишку, я подключаю программу.

— Здравствуй, — вымученно улыбнувшись, приветствую первого ученика.

А дальше день идет по накатанной. Следующей ночью доча, словно почувствовав, что измотанной маме нужен был отдых, спит как ангелочек. Я даже позволяю себе проснуться

чуть позже, поэтому, выходя на кухню, сладко потягиваюсь.

— Бабуль, давай я сама завтрак приготовлю?

— А где Вера?

— В кроватке с игрушками сидит.

— Каша уже на плите. Я пойду... — резко обрывает фразу.

Я прослеживаю за её удивлённым взглядом.

— Смотри-ка, Нинка сегодня мусор не стала выбрасывать.

В самом начале учёбы у нас была вводная лекция.

На ней седовласый профессор, который проработал врачом больше пятидесяти лет, сказал, что люди, которые приходят в медицину, делают это не из корыстных целей.

Эти люди особенны тем, что они чувствуют, когда с человеком что-то не так. Их интуиция работает иначе. И где бы они ни находились, что бы они ни делали, они всегда услышат тревожные колокольчики.

Толком не осмыслив происходящее, я на босые ноги надеваю кроссовки и что есть сил бегу по морозной улице.

— Лиза, ты куда? — кричит мне вслед бабушка. — Куртку хоть надень!

Но какое-то шестое чувство не даёт мне обернуться, наоборот, оно требует ускориться.

Когда я добегаю до дома старушки, резко торможу, потому что ворота закрыты. Отчаиваться нет времени. Подняв подол сорочки, я перелажу через забор и бегу сразу в дом.

Дверь оказывается не заперта, но плотно закрыта. Я пинаю её ногой, и она распахивается с такой силой, будто сейчас слетит с петель.

— Нина Павловна! — влетаю внутрь. — Где вы?

Кожа покрывается холодными мурашками. Женщина лежит на полу. Без сознания.

Благо мне хватает полученных знаний, чтобы не дать ей умереть.

К приезду кареты скорой помощи старушка уже лежит в сознании, а её дыхание восстановлено. Любопытные зеваки собираются возле дома, чтобы поглазеть, как женщину увозят в больницу.

— Вы врач? — спрашивает меня фельдшер. — Без вашей помощи она могла бы умереть.

— Нет, я не врач. Но знаю, как оказывать первую помощь.

Сердце сжимается от тоски, когда я вспоминаю, как близка была к тому, чтобы осуществить свою мечту.

Боже! Да, я хочу быть врачом. Хочу спасти людям жизни.

Это моё призвание. И никто меня не переубедит. Как только Вера подрастёт, я обязательно вернусь, чтобы закончить учёбу.

Через пару недель от соседей мы узнаём, что Нина Павловна вернулась домой.

— Карга старая! Могла бы зайти и поблагодарить, — ворчит бабушка.

— Совсем не обязательно.

— Опять ты её грудью кормишь! — бросает на меня укоризненный взгляд.

— Вере всего десять месяцев. Рано пока отучать.

— Ты бы не спорила лучше, а мне помогла. Посмотри, живот у меня чего-то болит, — морщась от боли, присаживается рядом с нами на диван.

Я давно заметила, когда у бабушки физические недомогания, она начинает много ворчать.

— Хватит откладывать. Езжай в больницу и лечись уже.

— Так они меня положат минимум дней на десять. А как ты тут одна? Без меня?

— Твоё здоровье важнее.

Без поддержки бабушки на самом деле оказывается нелегко. Но я и слова не говорю об этом, когда звоню ей или посещаю в больнице.

Следующее утро начинается как самое обычное.

Ничего не предвещает беды. Мы с Верой просыпаемся, завтракаем. Вернувшись с прогулки, я собираюсь укладывать её спать перед началом уроков, но вдруг звонит мой мобильный.

— Алло! — одной рукой держу дочку, а второй прижимаю телефон к уху.

— Елизавета Юрьевна? — мужской голос, звучащий крайне серьёзно, называет моё имя.

Стараюсь вспомнить, слышала ли я его где-то раньше, но все попытки безуспешны.

— Да. Это я, — отвечаю озадаченно нахмурившись.

— Ваша бабушка сегодня утром умерла.

— Нет! — слышу свой голос, но он кажется чужим, слабым, дрожащим.

Глава 7.

Я думала, что смогу всё. Пережить смерть бабушки. В одиночку вырастить дочь. Вести хозяйство и при этом полноценно работать.

Помощи ведь всё равно просить не у кого.

Так что или я сплю по два часа в сутки и успеваю выполнять все дела, или...

Боюсь, что другого «или» у меня просто нет.

Вера очень сильно скучает по бабушке. К тому же она чувствует мои переживания, от того и не отрывается от меня. Ни на минуту.

— Девочка моя, — целую её в лобик, — поспи хотя бы часик, — начинаю укачивать сначала медленно, потом быстрее и быстрее. — Мамочке надо поработать. Совсем чуть-чуть.

Ребёнок улыбается в ответ. Сна ни в одном глазу.

Что за ненастье!

С кухни слышится шум. Кажется, это на плите крышка от кастрюли ходит ходуном от горячего пара.

Совсем забыла, что поставила кипятиться воду.

Водопровод на днях сломался, а денег на ремонт у меня нет. Пришлось заложить все сбережения на похороны. Я все локти себе искусала, что недавно уговорила бабулю положить похоронные деньги в банк. Чтобы провести традиционные процедуры упокоения, пришлось вложить все остав-

шиеся сбережения, потому что снять в банке я смогу только через полгода, когда вступлю в наследство.

Стрелки на часах неумолимо двигаются к двенадцати, и мне вот-вот нужно начинать урок. Я и так уже поотменяла больше половины занятий. Такими темпами скоро растеряю всех оставшихся учеников.

Сажу дочку на пол и даю ей побольше игрушек.

— Мама сейчас поработает, потом мы пойдём гулять.

Вера обиженно прикусывает губу и тянет ко мне ручки.

— Не могу, солнышко. Не сейчас! Прости меня. Я так люблю тебя.

Сердце обрывается, когда вижу, как сильно крошка хочет ко мне. Но на экране загорается красный значок, оповещающий, что меня уже ждут.

Я вытираю непрошенные слёзы и из последних сил пытаюсь улыбнуться.

— Доброе утро!

Кастрюля на кухне начинает бренчать, а Вера, испугавшись шума, больше не сдерживает громких рыданий.

Я сжимаю руки в кулаки, пытаюсь не сорваться.

— Всё в порядке? — спрашивает меня ученица.

— Да, да. Подожди минуточку.

Отвернувшись от экрана, я закрываю лицо руками, чтобы остановить вырывающийся из самого сердца крик отчаяния. Сколько ещё испытаний мне уготовано?

За что?

Где я так сильно нагрешила?

Почему судьба постоянно забирает у меня то, что я так сильно люблю? Сначала моих родителей, потом бабушку. У меня даже отняли мечту стать врачом. Не осталось ничего, кроме моей малышки.

Отодвинув камеру, я беру дочу на руки, но она в такой сильной истерике, что плач быстро уже не остановить.

Кастрюля вдруг перестаёт бренчать, и я настораживаюсь. Похоже, в доме кто-то есть.

— Дай мне ребенка.

Резко оборачиваюсь.

— Нина Павловна?

— Давай сюда, — протягивает руки.

Я несколько раз моргаю. Настолько необычно видеть здесь ворчливую старушку. Я бы охотнее поверила, что мне снится реалистичный сон.

— Елизавета Юрьевна! — зовёт меня голос с экрана. Это уже не моя ученица, а её мама. И, судя по тону, она крайне недовольна, что я опять прерываю урок.

— Минуту! — а потом уже шёпотом соседке. — Нина Павловна, в соседней комнате есть ещё игрушки. Спасибо вам огромное.

Женщина кивает и уносит Веру, закрыв за собой дверь.

Каким-то чудесным образом ребёнок перестаёт плакать, а через несколько минут я готова поклясться, что даже слышу её смех.

Когда урок заканчивается, я бегу в спальню и с удивлением обнаруживаю Веру, мирно спящую в кроватке, и Нину Павловну, сидящую рядом с ней.

— Совсем на тебя не похожа, — прочищает горло кашлем.

— Думаете?

— Вижу. Мужик, который отказывается от своего ребёнка, — это не мужик, а дерьмо!

Я лишь киваю в ответ, с трудом проглатывая слёзы. Разговор об отце Веры слишком болезненный для меня, привыкшей отмалчиваться на эту тему.

— Спасибо вам, что посидели с Верой.

— Посмотри на себя. Бледная как моль стала. Худая, один скелет. Ребёнок у тебя постоянно плачет. Соседи-то ворчат.

— Я... я не знала. Мне никто не жаловался, — складываю руки на груди.

— В этом селе у тебя нет будущего. Возвращайся обратно в столицу. Там и зарплаты достойные, и личную жизнь устроишь.

— Но как? — горько усмехаюсь. — С маленьким ребёнком будет сложно найти работу.

Старушка встаёт с кресла и достаёт из кармана смятую бумажку.

— Позвони ей.

— Кто это? — раскрываю записку с номером телефона.

— Моя племянница. Она хоть и забыла меня, но девка

пробивная, не то что ты.

Молча проглатываю оскорбление. Лицо у женщины мрачнее тучи, а вот глаза светятся добром. Она просто пытается помочь мне, как умеет.

— А что мне ей сказать?

— Ты же медиком хотела стать. Там богачам каким-то нужна сиделка. Они с жильём тебе помогут и денег заплатят.

— А куда же я Веру дену?

— Поговори с Машкой. Она придумает.

— Хорошо, — сжимаю бумагу в руке, — ещё раз спасибо. Как ваше здоровье?

— Отжила я уже своё. Так что сделай одолжение, если мне опять станет плохо, не надо меня больше спасать, — поднявшись с дивана, ковыляя идёт в сторону выхода, стремительно скрываясь за дверью.

Я растерянno обвожу взглядом помещение, не понимая, что делать дальше.

Уехать обратно в Москву?

А ведь вполне достойный вариант, который вселяет надежду.

Пора заканчивать играть роль загнанной в ловушку мыши. Если я хочу встать на ноги, то надо начать шевелиться.

Ради себя.

Ради своей малышки и нашего будущего.

Через неделю я собираю всё самое необходимое в один чемодан и мы с Верой едем в гости к Олеся. Подруга сей-

час проходит интернатуру в частной клинике и сама снимает просторную квартиру.

— Эх, Лизка, не видела тебя больше года, а ты после родов только краше стала. Грудь-то какие! Так и хочется пощупать.

— Хватит, — смеюсь. — Просто я отучаю дочу от груди, вот они и разбухли.

— Расслабься, — мягко успокаивает, наблюдая, как я снимаю с вешалки чёрное платье и нервно натягиваю его на себя. — Я же чисто с профессиональной точки зрения разглядываю.

— Лесь, я тебе так благодарна за помощь. Если у меня получится устроиться сиделкой, мы с Верой переберёмся жить в столицу.

— Давно пора!

Доча с момента, как я начала собираться в поездку, стала поразительно послушной и тихой. Словно она поддерживает меня в этом решении.

Леся присаживается на пол и начинает помогать Вере собирать мягкие кубики.

— Она похожа на своего отца? — подруга задумчиво разглядывает девочку.

Пока у меня не появился свой ребёнок, я никогда не обращала внимания на то, как часто люди любят сравнивать, на кого он больше похож.

— Могу сказать, что у неё глаза того мужчины.

— Красивые серые глаза. Да и на голове тёмные кудряш-

ки. Точно не как у тебя.

— Ну, что скажешь? — пригладив по бокам облегающее трикотажное платье, я встаю возле подруги.

— Господи, ты сиделкой идёшь устраиваться или в эскорт? Твои буфера выпрыгивают из выреза.

— Другого платья у меня нет. Надену жакет сверху, может, не заметят. Через пару дней молоко уйдёт и грудь будет нормальная.

— Ты ведь за женщиной будешь ухаживать. Ей то уж без разницы, какой у тебя размер.

— Да. Она восстанавливается после аварии. Это всё, что мне сказали, — возвращаюсь к зеркалу, чтобы поправить выпавшую из хвоста прядь.

— Удачи, красотка! За Веру не переживай. Мы нашли с ней общий язык.

Дорога до загородного особняка занимает почти час.

Я с ужасом думаю, как буду добираться сюда каждый день. Мария, которая работает в кадровом агентстве, лично вызвалась сопроводить меня на собеседование.

— А сюда ходят автобусы?

— Нет, конечно, — смеётся над моей наивностью, — но они предоставят тебе машину. Снимешь жильё в городе и будешь ездить сюда. С такой зарплатой дочке найдёшь хороший частный садик.

— Звучит слишком идеально, чтобы быть правдой, — я хмурюсь. Вкусный сыр только в мышеловке. — А в чём здесь

подвох?

Маша несколько мгновений молчит, будто собирается с мыслями. А мой взгляд скользит по идеально подтянутой фигуре женщины, которой явно уже за сорок.

— Пациентка, за кем нужно ухаживать, — та ещё стерва. Я ей уже десятерых сиделок подогнала. Профессиональных до мозга костей, с опытом до небес. Но все как одна бежали сверкая пятками.

Настораживаюсь. Где-то внутри загорается тревожный огонёчек.

— Ого. Жаль. Я так сильно рассчитываю на эту работу.

— Поэтому я тебя и позвала. Ты не как остальные, не станешь сразу сбегать. Тебе ведь нужны деньги, — в голосе слышится сочувствие.

Тяжело вздыхаю. Маша даже не представляет, насколько сильно мне нужны деньги. Благо, Леся заняла небольшую сумму до зарплаты и разрешила пожить у неё первое время.

Как только встану на ноги, обязательно отблагодарю подругу за её доброту.

— Слышала о семье Варламовых? — рыжеволосая женщина, на губах которой постоянно играет лёгкая усмешка, не отрывает взгляда от дороги, крепко сжимая руль.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Вроде фамилия знакомая.

— Имя Александр Варламов тебе что-то говорит?

— Явно где-то слышала, но не сразу вспомню.

Маша мотает головой, будто я сказала ей какую-то глупость.

В салоне повисает тишина. Я отворачиваюсь к окну и смотрю на небо, хмурое, пасмурное, окутанное тяжёлыми тучами. Кажется, будто оно сердится на нас, ещё немного, и разразится грозой.

— Слушай сюда, Лиза!

Затаив дыхание, я внимаю каждому её слову.

— Варламов — миллиардер, владелец крупных холдингов и заводов. Его имя гремит на всю страну. Кстати, красавчик и не женат.

— Так, а к чему мне эта информация?

— Ты будешь сиделкой у его матери.

— Что? У матери миллиардера? — мои глаза лезут на лоб, и меня начинает сильнее потряхивать от нервов.

— А ты думаешь, что зарплата с пятью нулями на дереве сама растёт?

— Ясно, — гулко сглатываю. — Есть что-то ещё, что мне нужно знать?

— Варламова сейчас нет в стране. Говорят, скоро должен вернуться. Но не вздумай! — произносит с металлом в голосе.

— Ты о чём? — возмущённо выдыхаю.

— Даже не думай строить ему глазки, — бросает на меня быстрый предупреждающий взгляд. — Вылетишь оттуда как пробка из шампанского. С персоналом у них очень строго.

Глава 8.

Судьба много раз ставила мне подножки, но каждый раз я, гордо выпрямив спину, вставала и шла дальше.

Иногда я представляю себя тоненьким деревом, одиноко стоящим посреди поля. Вокруг задувают сильные ведра, меня качает из стороны в сторону. Снова и снова. Но я упорно цепляюсь корнями за землю и не падаю.

Понятия не имею, сколько ещё испытаний выпадет на мою долю. Но знаю наверняка, что ради дочери и её счастья я пойду на всё.

— Приехали, — Мария глушит мотор и выходит из машины.

Делаю глубокий вдох.

Меня до сих пор не покидает странное предчувствие, что сегодня должно произойти нечто очень важное. Нечто, что может мне не понравиться. А интуиция редко меня подводит.

— Так как мы обе заинтересованы в том, чтобы тебя взяли, я дам тебе несколько советов.

— Конечно.

— Не улыбайся. Её раздражают счастливые люди. Говори мало. Ей не нравится пустая болтовня. Старайся меньше к ней прикасаться. И учитывай, что, для ворчания она найдёт любой повод, вплоть до неровной складки на твоём платье.

Поэтому просто не принимай её слова близко к сердцу. В одно ухо влетело, через другое вылетело.

К горлу подступает неприятная горечь.

— Хорошо, — гулко сглатываю. — Всё же я надеюсь, что она не настолько придиричивая, как ты её описываешь.

— Ты права. Она ещё хуже. Моя тётка Нина, скряга старая, рядом с ней невинная дева.

Я моргаю, будто на секунду выпадая из реальности.

Ну не может же быть настолько плохо?

— Добрый день! — на пороге нас встречает женщина в деловом брючном костюме и седыми волосами, собранными в идеальный шишку.

— Добрый, Марта, — отзывается Маша, — я привезла вам новую сиделку. — Отлично. Вера Игоревна уже ждёт вас.

Вера?

Надо же. Её зовут так же, как и мою девочку.

За короткий срок я успела безумно соскучиться по доченьке, поэтому упоминание родного имени отдаётся приятным теплом в груди.

Кстати, о груди. Она очень сильно разбухла. Кажется, вот-вот, и молоко потечёт.

Мы заходим внутрь огромного особняка, в котором каждый предмет интерьера кричит о своей дороговизне. Мне никогда не приходилось бывать в подобных домах, поэтому я не упускаю шанса лишний раз полюбоваться обстановкой.

К моему удивлению, в просторной и элегантной гостиной минимум мебели. В центре стоит серый диван и несколько мягких кресел. Но атмосфера в целом такая холодная, словно в этот красиво обставленный дом забыли вдохнуть жизнь.

Обойдя парадную лестницу, мы проходим по длинному коридору и останавливаемся у самой дальней двери. Похоже, хозяйка дома выбрала эту спальню в поисках уединения.

— Вера Игоревна, к вам пришли, — постучав, Марта открывает дверь.

В ноздри ударяет запах медикаментов.

Ого.

Я буквально ослеплена.

От белых ровных стен, отражающих свет, льющийся из панорамных окон. От светлой мебели. И даже ковра оттенка свежевывавшего снега.

Такой стерильности позавидует любая операционная.

Игнорирую свой внутренний голос, в сотый раз советуемый мне бежать со всех ног, и иду к кровати, где лежит женщина в домашнем халате.

— Здравствуйте, — помня Машин совет, стараюсь улыбнуться лишь уголками губ.

— Имя? — голос грозной хозяйки дома звучит как рычание.

Её мрачный настрой добавляет нервозности в и без того напряжённую обстановку.

— Елизавета.

Она ухмыляется моей робости.

— Сколько тебе лет? Выглядишь как ребёнок.

— Двадцать два.

— На тебе слишком много косметики, — брезгливо морщится, отворачиваясь к окну.

— Что вы. Я совсем не крашусь.

Женщина, чуть нагнувшись вперёд, начинает внимательно присматриваться ко мне. Затем недовольно поджимает губы, будто осознала нечто очень неприятное.

— Сядь. Чего стоишь?

Оглядевшись вокруг, я беру ближайший стул и с удивлением обнаруживаю, что в комнате мы уже остались одни.

— Тебе сказали, что я уволила десять куриц, которых они называли профессионалами?

Киваю.

— Почему ты думаешь, что я оставлю тебя?

— Буду с вами честна: мне очень нужна эта работа.

— Думаешь, я поверю, что молодая девчонка с твоими внешними данными мечтает быть сиделкой у старой инвалидки?

Подобное поведение никак не укладывается у меня в голове. Лицо Веры Игоревны хмурое, суровое, а глаза, цвета горячего шоколада, мягкие и тёплые. Ощущение, что в них застыли горечь и печаль.

Возможно, пережив страшную потерю, эта женщина возвела стену, стараясь изолировать себя от жестокого мира?

Иначе как объяснить этот странный парадокс.

Проглотив возмущение, я спокойно отвечаю:

— Мне сказали, что вы восстанавливаетесь после аварии.

Не стоит так рано записывать себя в инвалиды.

— Не меняй тему! — шипит в раздражении.

Чувствую себя затравленным кроликом, который добровольно залез в пасть к волку.

— Я...

Боже, у меня, кажется, намокло платье.

Молоко всё-таки потекло.

Как же не вовремя.

Из головы разом вылетают все мысли, а взгляд застревает на низком декольте, подчёркивающем упругую грудь. Стараюсь не привлекать внимания, я аккуратно поправляю жакет. Но взгляд Веры Игоревны зоркий, как у ястреба. Она подмечает малейшую деталь.

— Ты кормишь грудью?

Теряюсь.

Ничего не могу поделать со своими нервами. Тело вновь покрывается мелкой дрожью. Я не хотела сразу выкладывать все карты на стол.

— Уже закончила кормление. Молоко скоро пройдёт, — дёргаю край жакета.

— Сколько твоему ребёнку?

— Скоро будет годик, — подумав о дочери, я сама не замечаю, как начинаю улыбаться. — Её тоже зовут Вера.

Взгляд женщины бежит по комнате, словно она пытается принять важное решение. Я же терпеливо ожидаю следующего вопроса, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

— Где твой муж?

— Я не замужем, — опускаю взгляд в пол.

Чувствую себя сапёром на минном поле: одно неверное слово, и меня погонят отсюда взащей.

— Можешь приступить завтра.

Не сразу осознаю услышанное. На миг даже думаю, что мне послышалось.

— Правда? — моё лицо вытягивается от удивления.

— Но при одном условии.

— Каком условии?

— Жить будешь здесь. И твоя дочь тоже!

От шока в лёгких кончается воздух.

Не может же мне так повезти? Нет. Что-то здесь не так.

— Вы уверены? Маленький ребёнок требует много внимания. Мне будет сложно ухаживать за вами и смотреть за дочкой одновременно.

— Разве ты не сказала, что тебе сильно нужна эта работа?

В горле пересыхает, и мой голос звучит как старая ржавая телега.

— Да, но...

— Тогда соглашайся!

Господи. А ведь я должна радоваться и кланяться ей в но-

ги за то, что она предложила мне такие условия. Но что-то внутри, словно внутренний якорь, удерживает меня от этого.

— Вижу, ты согласна. Скажи Марте, чтобы приготовила вам соседнюю спальню.

И вроде произносит она это спокойно, но в глубине души возникает чувство, что я заключила договор с самим дьяволом.

Выхожу в коридор на ватных ногах. До сих пор не могу поверить в своё счастье.

— Как всё прошло? — подлетает ко мне Мария.

— Меня взяли.

— Вот и отлично. Я знала, что ты справишься.

Мы выходим в гостиную, пока я в подробностях рассказываю о нашей беседе.

— Ничего себе!

— Как думаешь, это нормально?

Мария угрюмо сводит брови.

— Ладно, — машет рукой, — всё равно ты скоро узнаешь.

— Узнаю о чём?

— Год назад Вера Игоревна ехала в машине со своей дочерью и внуком. У них отказали тормоза, и машина перевернулась на мосту.

— О боже! — закрываю рот ладошкой.

— Погибли все, кроме неё.

— Ребёнок! — сердце обливается кровью.

— Ему было три года. Это большая трагедия для семьи.

Они до сих пор не могут отойти.

— Мне так жаль.

— Теперь тебе понятно, почему она хочет, чтобы ты переехала сюда жить с дочерью?

— Мария! — прерывает нас Марта. — Можно вас на минуту?

— Конечно. Лиз, подожди меня здесь.

Закрываю лицо руками. Глаза наполняются слезами. Не представляю, что Вера Игоревна чувствует, в один миг потеряв свою дочь и внука.

За спиной вдруг слышатся шаги. Тяжёлые. Мужские.

Я настораживаюсь.

Кто это может быть?

По спине пробегает неприятный холодок. Мне почему-то даже оборачиваться страшно.

— Вы к кому? — звучит низкий голос.

Делаю вдох, всё же придётся ответить. Я поворачиваюсь ко входу, где стоит высокий мужчина. Он проходится по мне изучающим взглядом.

Взглядом, который гипнотизирует и сбивает с толку.

Я краснею от того, как он сканирует мою фигуру, словно раздевает меня одними глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.